

17. Rescher N. Rationality: A Philosophical Inquiry Into the Nature and the Rationale of Reason [Text] / Nicholas Rescher. – Clarendon Press, 1988 – 234 p.

18. Searle J. Meaning, Communication, and Presentation [Text] / J. Searle // Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, Ends / ed. by Richard E. Grandy, Richard Warner. – Oxford, 1988. – P. 209–228.

Кулик А. В. Критика философами XX ст. идеи рационального упорядочивания.

Выделено четыре направления критики идеи рационального упорядочивания, которые были распространены в философии XX ст. Аргументировано, что критика идеи рационального упорядочивания, которая развернулась в XX ст., обладает спецификой по сравнению со своими аналогами предшествующих эпох.

Ключевые слова: рациональность, упорядочивание, философия XX ст., хаос, история философии

Kulik A. Criticism of rational ordering idea by philosophers of XX century.

The aim of the given research is to point out basic directions of rational ordering idea criticism by thinkers of the XX century. Rational ordering idea dates back to the deepest layers of European philosophy. However in the XX century this idea was exposed to rather serious criticism by representatives of various philosophical directions. Philosophical systematization of the given criticism is the very problem the article is supposed to solve. There were at least four directions of the given criticism. Firstly, thinkers imputed rational ordering idea that it supposedly contradicts the innermost needs of human nature. Secondly, there were accusations in subjectivity of current rational ordering practices. Thirdly, the concepts of ordering, based on principles that are alternative to ratio were given. Fourthly, the offers to abandon ordering idea totally were expressed. The named criticism directions compete successfully with popular in the XX century points in defense of rational ordering idea. The most known of them were the following. The first point stated exceptional importance of rational ordering for society development. The second one gave the rational ordering ideology as a meaning of standing against fatalistic world view emasculating society. The third point reasoned that the most important spheres of human activity are based precisely on rational ordering idea. Rational ordering criticism launched in the XX century had its specifics in comparison with similar criticism that had taken place in preceding epochs. On one side, this specificity is determined by the development of History of Philosophy. On the other, it was intellectual reaction on changes in society life that were happening in the XX century. Primarily it means unprecedented, comparing to previous epochs, growing role of techniques in society life.

Key words: Rationality, ordering, philosophy of XX century, chaos, history of philosophy.

Надійшла до редколегії: 01.03.2014

УДК 111.1

В. Б. Окороков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ А. БАДЬЮ

Проанализовано сучасна теорія іменування французького мислителя А. Бадью, що використовується ним для дослідження процесів становлення думки, істини й виникнення філософії.

Ключові слова: іменування, істина, суб'єкт, виробництво множини, боги, творіння, думка.

Если взглянуть на фундаментальные свойства мышления в архаичных культурах с современных позиций, то мы приходим к выводу, что в неразделенной форме слово древнего человека означало одновременно имя (вещи), сущность (вещи) и действие (как вызыванием сущности вещи). Об этом много писали европейские и русские исследователи архаичных культур (М. Мосс, Ф. де Соссюр, К. Леви-Строс, Л. Леви-Брюль, А. Р. Радклиф-Браун, Ю. Эвола, М. Элиаде, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский и др.). Об этом свидетельствуют и самые древние тексты, такие как «Ригведа», «Атхарваведа», «Самаведа», «Авеста» и т. д., а также тексты древнегреческих мыслителей. Можно, видимо, вообще считать одной из наиболее древних форм первобытной культуры миф об именах, в соответствии с которым искусство произнесения имен или искусство именованья – это древнейшая форма самовыражения или даже

бытия древнего человека, которая в силу своей сложности была доступна только богам или особым их посредникам на Земле (жрецам). Эта форма самовыражения древних людей почти исчезла, однако ее отголоски воплощены в современных формах именованья и связанных с ней магии, экстрасенсорики, заклинаний, психотропных формах воздействия на людей и т. д.

Процесс именованья в человеческой сфере существования, воплощенный в языке, исследовал современный французский мыслитель А. Бадью. Если человек создан по образу и подобию божьему, как вещает «Библия», то в таком смысле происходящее в человеческом измерении должно, с учетом определенных поправок, происходить и в божественном мире. Древние греки напрямую приписывали богам антропоморфный образ существования.

С учетом таких установок, анализируя процесс формирования философии в Древней Греции, А. Бадью хочет вывести, как антропометрический потенциал античных мыслителей может сказываться (или раскрываться) на современной философии. Сопоставляя эпохи, он показывает, что в современной культуре доминирует присущая досократикам форма проявления философии, именуемая софизмом. И эта техника софистического искусства через века «просочилась» в современную философию и культуру посредством родовых процедур. Точнее говоря, согласно его представлений, те структуры (формы), которые формировали философию в Древней Греции (у истоков ее возникновения), практически не изменились и в настоящее время.

Исследуя место возникновения философии, А. Бадью воспроизводит (реконструирует) процесс образования философии в Древней Греции и «рисует такую картину». Есть общества без математики, в других «искусство» в слиянии с устаревшими священными функциями остается для нас непроницаемым, в третьих отсутствует или не имеет выражения любовь; в некоторых, наконец, деспотизм так и не дал места политическому изобретательству и даже не позволил о нем помыслить. И уж подавно эти процедуры не всегда существовали вместе. Первая философская конфигурация, призванная расположить эти процедуры в едином понятийном пространстве, удостоверяя тем самым, что они могут совместно существовать в мысли, носит имя Платон. «Не геометр – да не войдет», – предписывает матема как условие философии [2, с. 14–15; 11]. Далее А. Бадью обобщает этот древнегреческий опыт. Имеются четыре условия философии, причем даже изъян в одной из них ведет к ее рассеиванию. Эти условия: матема (производное от слова математика), поэма, политическое изобретение и любовь. Мы называем их родовыми процедурами. Можно сказать и так: условием философии служит наличие истин в каждом из классов, где они удостоверяемы [там же, с. 15–16; 11]. Четырем областям существования истины – политике, любви, науке и искусству – соответствуют четыре способа проявления истины: революция, страсть, изобретение и творчество (в каждой из них субъект раскрывается как субъект истины).

В поисках естества современной философии А. Бадью пытался найти способ реализации родовых процедур в синхронистическом (привязанном к настоящему, к современности) пространстве человеческой мысли и стремился раскрыть сущность современной (постмодерной) многоплановой и полиморфной культуры и мысли.

Так как условием существования современной философии являются творческие возможности субъекта при раскрытии общего потенциала родовых процедур, то А. Бадью обращается к основополагающим процессуальным событиям неклассической философии и культуры: метафизическим установкам века поэзии, реконструированным М. Хайдеггером в фундаментальную онтологию; процедурам формализации теорий непрерывности и множественности в век математиков, переведенным философами XX в. (Ж. Лаканом, М. Фуко, Ж. Делезом и др.) на язык гуманитарных событий; к техникам любви, раскрытым посредством диалогизма и структуралистских дискурсивных практик теории желаний (Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Делеза и др.); и крупным политическим практикам XX в.

(по мнению французского философа, это народное восстание в Китае, повлиявшее на становление маоизма, и революционные события во Франции в мае 1968 г.).

Как видим, А. Бадью внимательнейшим образом просматривает пласты современной культуры в различных срезам ее образований и на этой основе пытается вывести единую формулу бытия современной культуры и философии. Он, как Сократ в Древней Греции, опирался на потенциал современной культуры, чтобы показать ее софистичность и симуляционность и в то же время выявить эффективные формы ее существования и проявления в будущем.

Пытаясь отыскать простейшее «начало», позволяющее исследовать любые формы бытия, А. Бадью вместо классического варианта такого «начала» (математической, физической и подобной точки, в которой складываются все силы) использует понятие «ситуация». Обращаясь к такой топологической схеме и вводя читателя в творческую лабораторию А. Бадью, С. Жижек утверждал, что событием является то, что формирует истину, являющуюся пустой в центре каждой конкретной ситуации. Но любую ситуацию можно оценить и как единичную, и как общую, поэтому родовому подмножеству, определяющему контуры истины, никогда нельзя дать полное имя. Фактически, речь идет о бесконечности процедуры формирования родового множества, определяющего истину.

«Пустота» в центре ситуации формирования истины лишь указывает на невозможность полноты и точного определения какой бы то ни было истины. В этом пункте исследований А. Бадью пересекаются идеи Ж. Лакана и Ж. Делеза. Родовое подмножество, сочетающее онтологические и гносеологические формы, нельзя полностью определить, ведь оно формируется и как бытие (единое), и как множество (общее), которому пытаются дать имя, соответствующее единому. Можно ли объединить бесконечный ряд чисел или назвать этот бесконечный ряд (множество чисел) одним «именем»? – об этом свидетельствует история раскрытия сущности имени числа $\pi = 3,14\dots$? Хотя все числа этого ряда привязаны к одному событию, соединяющему центр окружности с самой окружностью, и в этом состоит ее истинность, мы не можем указать, с какой точностью по радиусу круга мы можем восстановить сам круг, потому что ряд чисел, составляющих число π , бесконечен. По этой же причине нельзя полностью понять и определить процесс становления истины, которая в любом случае (будь она математическая, поэтическая, научная или политическая) всегда является (человеку) лишь в фрагментарном образе. Именем такой истины можно назвать только предел, обобщающий становление самой истины (например, «поэзия» как имя может являться лишь образом особого поэтического изложения мысли).

Ситуация (в познании) – это и есть родовая процедура развертывания мысли, которая пытается определить (создать) устойчивое множество точек посредством маркировки длящегося бытия мысли (на множестве развертывания истины). Ибо мысль так устроена, что она может существовать только в среде бытия предшествующей мысли, опираясь на свои предшествующие «следы», или ранее сформировавшийся логико-понятийный каркас, служащий опорой предшествующей мысли (в этом смысле ее полевым свойством существования и развертывания является трансцендирование). Исходя из такого способа существования мысли, можно говорить, что логика – это наука о прошлой мысли (уже состоявшейся), мысли, которая может быть оформлена концептуальным образом, ведь уже состоявшиеся события имеют четкие (ясные и отчетливые) контуры и очертания. Практически, все науки как эпистеме по своей сути могут устойчиво существовать только в области бытия состоявшейся мысли, поэтому все науки (включая логику, гносеологию, онтологию, все естественные науки и т. д.) – это науки о прошлом бытия мысли. Говорить о науке – значит находиться в прошлом.

Но мысль может трансцендировать и в будущее (осуществлять, по Хайдеггеру, «забегание вперед») и в таком опережающем действительность способе существования быть свободной. Свобода как независимое измерение возможности существования и развертывания мысли позволяет субъекту

«переступить» границу действительного бытия мысли, которая жестко очерчивает границы существования «наук». Человек не может быть свободным в прошлом, там разворачивается царство (уже сложившейся) необходимости. Он свободен только в мире опыта, через который проходит граница пересечения прошлого и будущего. Точнее говоря, у природы нет настоящего, эту границу задает субъект, который пребывает в определенном топосе (месте) природы, раскрывающемся для него посредством измерений пространства и времени (пространство-время). Субъект есть тот, кто может зафиксировать настоящее. Самой природе такая избирательность и выбор топоса не свойственны. Поэтому и истина как процесс есть то, что формируется в трех модусах времени, и ей, если твердо стоять на почве теории А. Бадью, необходим субъект, который может зафиксировать множество событий, образующих ситуацию истинности.

Одним из тех у кого А. Бадью учился пониманию истины, был апостол Павел, для которого путь знания – это путь рабства. Пытаясь истолковать сущность любви, исходя из размышлений апостола, французский философ учился понимать любовь как ситуацию раскрытия не только веры, но и истины. По этому поводу А. Бадью пишет, что субъект создает закон не буквы, но универсального адресования истины, процесс которого он поддерживает... Событийный процесс есть то же самое, что любовь к этой истине [1, с. 76, 78].

При истолковании сущности знания французский философ опирается на М. Хайдеггера и Ж. Делеза: знание дает нам лишь повторение и связано с тем, что уже произошло. И лишь в таком качестве оно может раскрывать истину, точнее, прояснять ее в уже раскрывшихся аспектах.

В этом смысле А. Бадью считает, что апостол Павел – не философ, так как он «направляет свою мысль не на общие понятия, а на единичные события... Для Павла событие истины отменяет философскую истину» [2, с. 90, 91]. Такое толкование мысли Апостола Павла связано с тем, что в своей философской системе А. Бадью использует теорему: «Нет буквы спасения или буквенной формы процедуры истины» [1, с. 92].

В качестве другого математического примера события А. Бадью указывал на то, что после объединения математики и физики (в теории Г. Галилея) открылось новое открытое подмножество теоретической (математической) физики, при этом закрылось старое подмножество (физики). В этом процессе новая гипотеза состояла в том, что любая природная процедура может быть описана на языке математики.

Одна из аксиом (и главная гипотеза) А. Бадью состоит в том, что, с одной стороны, не истины как таковые, но истина всегда раскрывается в ситуации, а с другой – истина всегда процессуальна (является процессом и достигается в процессе). Точнее говоря, истина является событием и раскрывается в событии через верность субъекта этому событию.

Именно как событие рассматривает А. Бадью воскресение Христа в интерпретации апостола Павла. Он пишет, что смерть Христа, будучи мыслью плоти (и по плоти), не может конституировать Христа-событие (смерть Христа не инициирует событие). Однако событием Христа делает исключительно его воскресение, это восстание мертвых, их подъем, который есть восстание жизни [1, с. 59]. Именно воскресение делает это событие колоссальным для последующей культуры знаком, разрывающим трансцендентное молчание смерти (знаком ничто и пустоты). Такое колоссальное событие рождает новую истину любви и инициирует «христианский дискурс» (открывает событие рождения христианской церкви). Прорыв трансценденции смерти сближает нас с Богом. Это увидел А. Бадью у апостола Павла. Воскрешение Христа – яркий пример наступления события истины.

Здесь мы подходим к ключевому моменту творчества А. Бадью – математической расшифровке процессов истинности и именованности.

А. Бадью ассоциирует множественность не с бытием, а с тем, что становится и изменяется, то есть с событием, сделав его отправной точкой своей онтологии

(теории производства и происхождения истины). Именно в этом смысле, как отмечал его последователь С. Жижек, истина может быть только производством множественности. Сам А. Бадью свой подход объясняет так. Если истина образует дыру в знании, если тем самым не бывает знания истины, а бывает лишь производство истины, то дело тут в том, что продуманная в своем бытии математически (то есть как чистая множественность) истина является родовой, избегающей всякого точного обозначения, то есть является всегда избыточной. Цена, которую надо платить за эту убежденность (за такое понимание), состоит в том, что количество множественности становится неопределенным, ведь невозможно осмыслить количественное соотношение между числом элементов бесконечного множества и числом его частей. Это соотношение может иметь форму лишь блуждающего избытка. Теорема Кантора (отца современной теории множеств) гласит: части (множества) более многочисленны, нежели (составляющие его) элементы. Но эту меру «избытка» не представляется возможным установить. Впрочем, именно на этом реальном пункте – блуждающем избытке в бесконечном количестве – и основаны великие ориентации (и онтологии) мира [2, с. 48]. В этом смысле истина в теории А. Бадью связана с ситуацией, в которой осуществляется производство множества блуждающих вокруг «ядра» (истины) событий. Проявляемая в таком множестве событий истина регламентирует наши действия. На основании уже изложенной онтологии множества А. Бадью заключает: только множественность, производимая истиной, не подчиняется диктату языка; в противном случае множественность лишается способности производить реальные события и превращается в дискурс, то есть то, что диктуется нашему сознанию (например, просчитываемое множество книг или других предметов) и не может произвести реальное действие. Если классическая истина идеальна и метафизична, то истина А. Бадью операциональна.

Исходя из операционного подхода к истине, А. Бадью получает несколько парадоксальных следствий: во-первых, буквально следуя теории Кантора, можно говорить о том, что существует хотя бы одна часть общего множества, которую истина, производящая это множество, истолковать не может; во-вторых, такая часть (такое подмножество общего множества) не может быть ни точно сформулирована, ни точно именована (так как не может быть точно определена), – это означает, что существует одна часть (или хоть одно подмножество) общего множества истины, которая является неименованной (или, в этом смысле, пустой). Истина, согласно такой теории А. Бадью, потому и является истиной, что производит нечто ранее неизвестное (на языке знания, неименованное и пустое), ранее не истолкованное.

В той части его теории, где А. Бадью пытается посредством события производства истины объединить философское, математическое и реальное пространства, раскрываются наиболее спорные моменты его учения. И хотя историческое имя возникающих здесь парадоксов хорошо известно – апории (Зенона) или антиномии (Канта), – французский философ стремится исследовать их еще в фазе зарождения и формирования, то есть на том этапе формирования мысли, когда эти парадоксы входили в единый комплекс «речевого творения мира», носившего в древнейших культурах название «именование» и восходящего к искусству, которым обладали только избранные жрецы, к дару, полученному от богов.

При исследовании системы понятий, характеризующих особенности нового понимания истины, А. Бадью вынужден использовать аппарат других наук, так как выразить то, что не именуемо, на языке философии, как показывает французский философ, невозможно. Для этих целей он и разрабатывает свой вариант онтологии множественности.

В наиболее завершеном и вполне формализуемом виде сложная проблема именованности исследовалась в его «Этике». Хотя последний раздел этой книги называется «Неименоваемое», его главной задачей является истолкование сложной процедуры «именования».

А. Бадью пишет о том, что вместе с изменением представлений об истине меняются коды коммуникации, которые радикальным образом трансформируют

мнение о происходящих процессах. Такую ситуацию французский мыслитель называет «эффект переработки мнений силой истин» [3, с. 114]. Для обсуждения элементов ситуации в терминах мнения, необходимо, чтобы они были поименованы. А «именовать» означает всего-навсего, что человеческие животные в состоянии сообщаться по поводу элементов «объективной ситуации» (например, по поводу того, что погода является предгрозовой или все политики – подонки и т. д.), социализировать их существование, подчинить их своим интересам [там же, с. 115].

Когда процесс истины проходит через язык ситуации, меняются имена. А. Бадью, связывая именование с истиной, считал, что именно она, в конечном счете, меняет имена. По его мнению, процесс именования, запущенный процессом истины как производства множественности, принципиально отличается от научного процесса формирования знания. Имеется в виду, что собственное именование элементов (в случае истины) есть нечто иное, нежели прагматическое наименование, как в исходной точке (ее – истины – возникновения и верности ей), так и в своем предназначении (вечная истина). Ведь прагматическое суждение о процессе составляется в терминах мнения.

Процедура именования, однако, запускается даже в том случае, если процесс истины проходит через (устоявшийся, прагматический) язык ситуации. То есть, делает вывод А. Бадью, помимо языка объективной ситуации (языка прагматического и уже сложившегося, характеризующего видение ситуации истины извне, с разных позиций), который позволяет обмениваться мнениями, существует язык-субъект (язык субъективной ситуации), который допускает запись истины (работу субъекта по именованию событий истины изнутри самой ситуации истины) [там же, с. 115–116]. Ведь истина проявляется только через субъекта, когда он становится верным событию истины (например, революции 1917 г.). Субъект в теории А. Бадью – особая форма проявления истины. Он рождается вместе с ней, но вместе с ней может и исчезнуть.

То, что истина не обладает всеобъемлющей силой, в конечном счете, означает только одно: язык-субъект как продукт процесса становления истины не способен именовать все элементы ситуации. Формулировка этого процесса на языке теории множеств приводит А. Бадью к заключению, что должен существовать по меньшей мере один реальный элемент, одна множественность, существующая в ситуации, недоступной истинностным наименованиям. Французский философ называет этот элемент неизменным (подмножеством) истины. Сложнейшая задача (философской) мысли – определить точку неизменного для того или иного типа процесса истины. Например, общность или коллектив неизменны в политике: всякая попытка именовать какую-либо общность на языке «политики» (в частности, назвать «общность людей» капитализмом, социализмом, демократией или коммунизмом) приводит, по мнению французского мыслителя, к катастрофическому Злу (в своей крайней форме это проявляется в XX в. на примере нацизма, сталинизма и т. д.). В таком переходе, когда неизменное именуют, нарушаются универсальные законы бытия истины и человека. Личина (коррелирующая с событием), предательство (коррелирующее с верностью), принуждение неизменного (коррелирующее с силой истинного) – таковы, по мнению А. Бадью, фигуры Зла, возможность (и проявление) которого в антропологической области ставит на повестку дня единственно опознаваемое как таковое Добро, то есть процесс истины [там же, с. 120–122].

А. Бадью объединяет гносеологические и этические проявления истины. В тех местах, где формируются зоны бытия истины, и возникает философия.

Для того чтобы отыскать подлинное место возникновения философии и рассмотреть философию в контексте образующих ее формообразований в процессе ее становления, А. Бадью и разрабатывает особую онто-математическую конструкцию истины. Философия выдвигает оперативную категорию, истину, которая вскрывает в мысли девственную пустоту (неименованные подмножества). Эта пустота обнаруживается согласно изнанке последовательности [2, с. 168;

9]. Таким образом, А. Бадью подводит нас к идее, что философия открывается там, где проявляются истины через родовые процедуры, что философия и есть проявление мысли (попытка вскрыть неименованное в истине).

Но истина раскрывается (развертывается) только в том месте события, которое обнаруживает пустоту ситуации бытия данной истины. Производящая сила истины начинается с именованной этой пустоты ситуации. При этом нужно иметь в виду, что ошибочное именование (или умышленное запутывание) ведет ко злу, поэтому подлинное (нацеленное на истину) именование пустоты – это искусство, данное именователям (омотетам или жрецам). Ошибки в именовании, как показывает А. Бадью применительно к современной культуре (в частности, на примере терроризма, идеологически основанного на псевдораскрытии неименоваемого), очень дорого обходятся человеческому сообществу. Поэтому величие и падение философа (как и жреца) проходит по тонкой грани искусства именованного.

А. Бадью стремится распознать это искусство и расшифровать сущность пустоты ситуации посредством разработки философского аппарата онтологии множества. Опирается он при решении этой проблемы на теории Г. Кантора и К. Геделя.

Пустота всегда является следствием избыточности информации о множественности события. Согласно теорий Г. Кантора, К. Геделя и А. Бадью, при анализе множества всегда остается место, ускользающее от просчитывания всех элементов этого множества и в этом смысле появляется неименованное, которое французский философ называет пустотой события истины. В любом множестве всегда имеется часть, которая остается непостижимой. И даже, если множество, производящее истину, просчитывается, всегда имеется край или та граница, за которой начинается пустота (то, что неименовано), которая все же является частью множества. Пустота, таким образом, характеризует разрыв в бытии истины и неполноту знания о ней. Множество, характеризующее истину, не бывает полным. Пустота истины начинается там, где проявляется неразличимость элементов множества, образующих данную истину. Последователь А. Бадью С. Жижек приводит пример проявления пустоты при исследовании капитализма, когда современные исследователи пытаются именовать то, что выходит за пределы или не именуемо на языке теории капитала: кризис устойчивости, разрушение глобальной экологии, – все то, что фактически приводит к трансформации представлений об истине «капитализма».

Таким образом, исключительность, пустота и именование – важнейшие находки того аппарата, который применяет А. Бадью при разработке теории истины и понимании сущности современной философии. В его постнеклассической концепции философия, как онто-лингво-антропологическая теория истины, связанная с операционными возможностями процесса производства множества и его проявления в логико-рациональном дискурсе мысли, раскрывается в разных вариациях в трех основных формах: истина, субъект и событие. При этом мыслительная процедура становления истины (путь формирования истины) совпадает с самой истиной, так как в определенном смысле и тот и другой есть операторы мысли.

Можно предположить, что в настоящее время А. Бадью есть (или по крайней мере был до последнего времени) одним из немногих философов, занимающихся определением и поиском истины в поле формирования математических процедур множества. Он является постмодерным философом, который, как софист Сократ, опровергает основные прорехи постмодерной (софистической) философии. Французский мыслитель, понимая сложность применения классического дискурса для нужд современной философии, использует те же процедуры, которые раньше использовали Пифагор, Г. Галилей, А. Эйнштейн и др., объединяя в единое смысловое поле математическое и физическое измерения Космоса (что позволило сформировать новую онтологию, новый топос Вселенной). Однако А. Бадью объединяет по аналогичному сценарию математическое измерение и логику формирования истины (то есть гносеологическое, точнее, гуманитарное

измерение) и находит новый топос формирования мысли (прежде всего новый сценарий формирования классической и неклассической философии) и хочет в этом новом топосе спасти неклассическую философскую и культурологическую мысль.

Точнее говоря, А. Бадью хочет построить такой дискурсивный аппарат самовыражения человека, в котором, буквально в соответствие с мыслью древних жрецов, в едином топосе объединяются и истины, и родовые процедуры, и смыслы слов, и культура, и действие. А. Бадью услышал зов наших античных предков и попытался трансформировать их слово в современную культуру. Этим он как бы показывает, что процесс именованья и становления истин в нашем человеческом мире еще далеко не завершен. Софистические проблемы дискурса могут быть преодолены путем логико-математического прояснения обстоятельств происхождения истины.

Библиографические ссылки

1. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма [Текст] / А. Бадью. – М. ; СПб. : Моск. филос. фонд; Универ. кн., 1999. – 95 с.
2. Бадью А. Манифест философии [Текст] / А. Бадью. – СПб. : Machina, 2003. – 184 с.
3. Бадью А. Этика: Очерк о сознании зла [Текст] / А. Бадью. – СПб. : Machina, 2006. – 126 с.

Окороков В. Б. Конструювання мовного простору у творчості А. Бадью

Проанализовано современная теория именованья французского мыслителя А. Бадью, использующая им для исследования процессов становления мысли, истины и возникновения философии.

Ключевые слова: именованье, истина, субъект, производство множества, боги, творение, мысль.

Okorokov V. Constructing linguistic space in the works of A. Badiou

Modern french thinker A. Badiou was investigated process of creations of name in human sphere of the existence, embodied in language.

If the person is created just like divine (as in «Bible»), when it occurs in human measurement, when we take certain amendments broadcasts, that it occur in the divine world. Exclusiveness, emptiness and creations of name are the major finds which applies A. Badiou by working out of the theory of true in context of modern philosophy.

But it isn't impossible to understand and define completely process of formation of true which anyway (mathematical, poetic, scientific or political) is (for person) only in a fragmentary image. It is possible to name a name of such true only a limit that generalises formation of the true (for example, «poetry») as the name can be only image of a special poetic statement of thought).

But the thought is arranged so that it can exist only in the environment of life of previous thought, leaning on the previous «traces».

On a basis before developed ontology A. Badiou does concludes: only the plurality, that it is made by true, does not submit to dictatorship of language. Otherwise plurality loses ability to make real events and it turns to a discourse that dictated to our consciousness

When process of true passes through situation language, names change. Connecting creations of name with true, A. Badiou confirms, what it, finally, changes names. But procedure of creations of name is started even in the event if process of true passes through (settled and pragmatial) situation language.

The most complicated problem (philosophical) thought is to define a point of it, that is not named, for process of true.

Errors in manufacture of name, as shows A. Badiou (with reference to modern culture, in particular, for example, of terrorism ideologically based on pseudo-disclosing it, that is not named), are very much cost to human community. Therefore greatness and falling of the philosopher (as a priest) passes on a thin side of art of creations of name.

Actually, A. Badiou wants to construct such discoursing the device of self-expression of the person in which in uniform top (literally it is in conformity with thought of ancient priests) it united both trues, and patrimonial procedures, both senses of words, and culture, and action.

A. Badiou has heard call of our antique ancestors and has tried to transform their word's to modern culture. In this he shows that process of creations of name and formation of trues in our human world still is not finished. Sophistical problems of a discourse can be overcome by logical-mathematical clearing of an origin of true.

Key words: creation of name, true, the subject, manufacture of set, gods, creation, thought.

Надійшла до редколегії: 21.03.2014